

Вагущир ПОЛЯКОВ

(Продолжение. Нач. в № 5.)

После посевной и до сенокоса самое время делать кизяки. К этому событию готовятся заранее. Раскладывают кучу навоза в крут, поливают её водой, разметают площадку от пыли, готовят широкую доску, поправляют станки. Когда всё готово, по Кулешовке разлетается слух - у того-то завтра будут делать кизяки. Ребяты, от пяти-шести лет и старше, утром собираются в компании. У малышей станки одиночные, у того, кто постарше - двойные. Станки делались из дощечек - в виде прямоугольника, с одной стороны пошире, с другой уже, одиночные отличались тем, что были без перегородки посередине и следовательно меньше и легче. Из брезентового ремня делали ручку. Хозяин с утра пригладал лошадей без седла, которая должна была месить навоз. Сажали папана полетче, и лошадей крут за крутом месила навоз. Его периодически поливали водой. Так продолжалось до образования густой, пастообразной смеси.

Затем начинался сам процесс. Доска должна быть обязательно широкой и гладкой. Её хорошо смазывали войлой, кляли станки широкой стороной вверх. Мужики раскладчики вилками раскладывали в станки готовую массу, а ребята нагаптывали её поплотней. Топтали босыми ногами. Затем надо было крутнуть станок так, чтобы он скользил по доске, и быстро поднять его вертикально. Готовые кизячины выкладывали на разметённую площадку, в ряд - сушиться. И так до тех пор, пока всю кучу не выносили.

Мы старались друг перед дру-

шли на речку - мыться.

Вечером предстали коллективный поход в клуб.

Возле клуба был киоск, в котором продавали морс, иногда мороженое в вафельных стаканчиках. Весь шик был в том, что мы могли сами на заработанные деньги купить себе всё это. Папаны постарше угощали кулешовских девчат. В кино старались попасть на взрослый сеанс, хотя фильм шел один и тот же и на семь и на девять часов. На девять стоил дороже. После кино были танцы, сначала под баян, а уже когда мы подросли, под пластинки.

Кизячная эпопея продолжалась чуть не месяц. Кизяки подсыхали, их перекалывали на ребро - слочкой, потом складывали в круглые кучи. Эти кучи стояли в каждой отряде, словно башни сказочной крепости.

У меня была младшая сестра. И по воле случая, я вынужден был возиться с ней всё лето. Кудла - бы я ни шел, она везла тащилицы за мной.

- Я с тобой, с тобой, - каночила она.

А была золотая середина лета. Мальчишки пропадали на речке целыми днями. А тут сестра, то ей пить надо, то она кушать хочет, то просто устала. И тут меня осенило. Однажды я разобрал верх кучи, внутри она была полой, посадил туда сестренку, дал ей игрушки, хлеба, водки, сказав, что будем

Дел Михай был сторожем совхозной конюшни, хотя, по правде сказать, сторожил он не один, было еще два сторожачки Борис и его друг Сашка по прозвищу Старуха, все трое - кулешовские. В конюшне было десять коней, несколько жеребят-сеголеток, да нехитрое имущество: соруя, седла, несколько саней, пара кошевок - директорская да бухгалтерская, отлоби и сыромять - заготовки для соруи. Конюшня стояла на опшине, а вернее на берегу речки. Летом здесь была баня олати. Купать коней - речка рядом, пастбище - тут вот он, под боком. От ребятни отбоя не было, в перестойки да в очередь.

Серко, другой мальчик Серко. Надо было видеть, как они ходили в упряжке с кошевкой. Однажды зимой, на совещании в районе, зашел разговор Николай Ивановича с Михаилом Петровичем, председателем соседнего колхоза, о лошадях. Каждый хвалил своих. Николай Иванович был с кучером на своих Серках, а Михаил Петрович на новой машине ГАЗ-69. А тут ещё на совещании премию обоим дали. Вот Михаил Петрович и говорит: "А что, Николай Иванович, давай на мой "ласточек" до меня доедем да и поспим вечерок. Ты кучера-то отправь, пусть себе едет". Только обидно как-то стало Николаю Ивановичу

что выручай. Тронувшись»

А Михай Петрович на увале в машине сидит, наблюдает. Вот отъехала кошевка, за поворотом скрылась, он водителем: "Тройай!". А сам на сиденье откинулся и глаза прикрыл.

Прошло несколько минут, Николай Иванович всё отглядывался назад и, немного спустя, заметил вдалеке отблески фар машины. Было заметно, гизик дотоял.

- Пошевели коней-то, - сказал он, - дотояют.

Кучер ничего не сказал в ответ, только прищелкнул кнутом не на коней, а так, в сторону. Коня заметно добавили. Так ехали километра три. Машина заметно приближалась.

КУЛЕШОВКА

- Дотояют, - обронил Николай Иванович.

Кучер знал характер своего хозяина, поэтому понял всё. Ни разу до этого кучер не бил кнутом серых. Он-то знал, что если большого обозливается и понесёт, маленькому не поспеть. Однако пережить хозяину не стал.

Начала летонько вытаскивать большого по крупному замётно поддал. Коня шли размашисто, слаженно. Машина не отставала, но и не дотояла их. Прошли больше половинны пути, и тут снова огни машины стали приближаться. Видно, жалеи Михай Петрович коней, потому не "газовал", да и друга жалко было обидеть, но всё же решил проучить его.

Николай Иванович выматерился. Кучер при-

кучу не выносили.

Мы старались друг перед другом наперестонки. Кто больше вынесет, да и стимул был, за каждую пару - копейка. Подразнивали друг друга, кричали: "Тапони! Пути не надорви! Коти! Что зенки вылетели?" У каждого из нас был свой квадрат на площадке. Так потом было легче считать. Таскали до обеда. Хозяйка к полудню готовила обед на всю ораву. Никогда я не пробовал таких вкусных обедов в своей жизни, как эти, хотя ассортимент был невелик: жареная картошка на сале, соленные огурцы, режешки, молоко да хлеб. После обеда каждый прикидывал, сколько заработал и сколько примерно еще сможет.

К коровам, когда вот-вот должны появиться на горе табун, мы заканчивали, наскоро мылись холодной водой, получали расчет и быстро разносили станки по домам. Через полчаса собирались возле магазина, и все

давал ей икрушки, хлеба, воды, сказав, что будем

играть в прятки. А сам ушел с друзьями на речку - купаться. Время летело незаметно, я спохватился уже перед коровами, и побежал домой. Моя сестра сидела на лавочке возле дома, прижавшись к маме, и сосала конфетку, несколько карамелек было у нее в руках. Отец управлялся по хозяйству.

- Явился, гуляка... Вот это нянька дак нянька, бросил девчонку одну, она тут заревелась, бедная, - мать двинула брови, а сестренка словно ждала этого момента - заревела.

Разговор с отцом был суров и краток. Больше никогда я не оставил свою сестру одну. Вскоре у нее появились и своя компания из девчонок.

Всю зиму мы топились дровами и кизяком. Тепла от него особенно не было, но уюта в то время было редко и стоило не по карману.

особенно купать коней. Конь, он хоть животное неприхотливое, но чистое, воду любит. Набросил на него узду и прыг верхом, голыми пятками под бока - и в речку. Некоторые всхрапнут, вроде как заулыбаются, ушами стрижет, боком-боком, но идет. А как по

брюхо зайдет, так уже и успокоится. На мелководье сто мошью-бока, крул, гриву, а после, когда готов, сядешь на него и по кругу на глубину плывешь, как на кобыле. Конь тресет мощно, сильно, иногда отфыркиваясь. И нам хорошо, весело, и коню удовольствия.

Сторожили мужики по очереди. Они же выполняли и работу конюхов: чистили, кормили, полили, чинили сбрую и прочее. Директор совхоза, Николай Иванович, лошадей очень любил. Особенно свою пару - двух серых коней. Один из них был большой

запашадей своих, не сдержался он: "Нет, - говорит, - я на своих поеду, они у меня не хуже твоей "ласточки", много довезут".

- Ну, ты брат загнать - это твои-то серые, да они через версту падут.

- А вот спорим, - разошелся Николай Иванович, - я выезжаю на дорожку, а следом ты давай, если моих обогонишь - литр "Столичной" с меня, а нет - ты ставь. Хлопнули по рукам.

Надо сказать, дорога в то время, зимой, по реке была по льду, и до сел, где жили Николай Иванович и Михаил Петрович, было много ни мало, а верст пятнадцать. Спустился Николай Иванович в кошевке с увала на лёд и товорит кучеру: «Слушай, братец, я тут поспорил, что наши коньки не уступят машине Михаила Петровича, ты уж прости - погорячился, но отступать поздно. Так,

Николай Иванович выматерился. Кучер пристал и вытянул большого Серко в полсилы:

- Ну, родимые, не подведите! Большой крикнул и понёс. Маленький из последних сил поспе- вал в пристёжке. Не далеко от по- воротка к своей деревне кучер при- держал коней, машина поравня- лась с ними и посигнала. С тру- дом осаживал Большого - остано- вился. Николай Иванович вылез с кошевки, дверь газика откры- лась, Михаил Петрович выпрыг- нул со словами: "Ну, ты даешь! Садись, давай в машину, коней- то чуть не стубил. Поехали, став- лю я, ты вытравляй."

Они сели и уехали в село Михаил Петровича. Кучер потихоньку тронул коней. При- сел, распрям, зашел в конюшню. Большой фыркнул, переби- рал ногами. На маленького было жалко смотреть...
(Окончание следует.)

Пятница, 16 апреля 2004 года